

Солнечные блики, пробиваясь сквозь густую листву, ложились на бетон неровной мозаикой. Легкий ветерок шевелил тени, заставляя застывшие на земле картины оживать.

Сяо Цзичун пулей вылетел из сумрачного подъезда. Он пробежал сквозь полосы ослепительного света, и не прошло и полуминуты, как его рубашка насквозь пропиталась липким потом. В этот миг в его душе не было места страху — лишь холодная решимость и молниеносная реакция. Он нагнал их у входа в первый блок, когда Цао Цзюнь оттащил Янь Жаня всего на десяток метров.

Ни похититель, ни жертва не ожидали, что Сяо Цзичун, только что скрывшийся в доме, бросится в погоню.

Цзичун лишь на мгновение взглянул на Янь Жаня, тут же вперив взгляд в Цао Цзюня.

— Брат Цао Цзюнь? — окликнул он его.

Янь Жань почти не разговаривал с ним наедине, но к его голосу был болезненно чувствителен. Он помнил каждую его интонацию, ловил любой оттенок настроения. В его крошечном, замкнутом мире Сяо Цзичун занимал особое место — за ним Янь Жань наблюдал всегда.

Услышав знакомый голос, он замер, порываясь обернуться, но Цао Цзюнь не позволил. Наркотики давно выжгли его мозг, лишив здравого смысла, но инстинкты уличного бойца остались при нем. Почувствовав сопротивление, он рефлекторно схватил Янь Жаня за шею, готовясь придушить.

Сяо Цзичун на бегу сорвал с плеча рюкзак. Делая вид, что не замечает угрозы, он крикнул:

— Я привез тебе манго с Хайнаня! Держи!

Цао Цзюнь замялся, не в силах сразу переварить услышанное. Когда-то, когда они были детьми, он присматривал за ними во дворе. Если бы не тот случай несколько лет назад, когда он насильно затащил Цзичуна в сомнительный караоке-бар к своим друзьям, их семьи, возможно, до сих пор бы ладили.

Заминка спасла Янь Жаня. Пока Цао Цзюнь соображал, Сяо Цзичун уже запустил в него тяжелым плодом. Манго с глухим стуком врезалось точно в руку, сжимавшую ножницы.

Инструмент со звоном отлетел на асфальт.

— Беги! — рявкнул Цзичун.

Но Янь Жань, чей разум всегда казался чуть более медлительным, чем у сверстников,

совершенно оцепенел. Ноги стали ватными от ужаса, он не мог пошевелиться.

Цао Цзюнь, лишившись оружия, не пришел в себя, а окончательно обезумел. Годы зависимости стерли в нем человеческое: он не боялся убить, он боялся лишь остаться без денег на дозу. Он снова потянулся к Янь Жаню — теперь уже просто как к живому товару, который можно выгодно обменять на чек.

Сяо Цзичун не дал ему второго шанса. Навалившись всем телом, он отшвырнул Янь Жаня в сторону, выставив рюкзак в качестве щита. В пятнадцать лет мальчишеская сила, подогреваемая адреналином, превращается в неудержимый таран.

Янь Жаня отбросило в кусты — густая зелень высотой по пояс приняла его тело. В этом головокружительном падении он осознавал только одно: Сяо Цзичун пришел его спасти.

Цао Цзюнь, получив чувствительный удар рюкзаком, зашелся в хриплой ругани и бросился в атаку. В этот момент на помощь подоспел Сяо Цзинжэнь. Услышав от сына, что Янь Жань в заложниках, он мгновенно понял, к чему всё идет. Сын действовал на одном порыве, не думая о последствиях, и отец смертельно испугался.

Цзинжэнь и его жена были госслужащими, строго соблюдавшими закон об одном ребенке. Сяо Цзичун был их единственной радостью, гордостью, «белым журавлем среди стаи кур». Но даже будь он самым заурядным мальчишкой, ни один родитель не смог бы безучастно смотреть, как его дитя бросается на нож.

Отец Цзичуна сбил Цао Цзюня с ног, придавив к земле, и закричал во всю глотку:

— Помогите! Убивают! На помощь!

***

Наверху, в квартире, мать и бабушка Янь Жаня наконец прекратили свою вечную перепалку. Ли Мэй считала, что свекровь окончательно испортила внука: ладно успеваемость, так он еще и стал несносным бунтарем, посмеив заявить, что не пойдет в элитную частную школу, на которую семья потратила уйму денег и сил. Бабушка же винила невестку в излишней суровости.

Заметив, что Янь Жань сбежал, бабушка всполошилась, но Ли Мэй отрезала:

— Пусть бежит. В такую жару — пусть хоть солнечный удар схватит, может, поумнеет.

Но сердце было не на месте. Она окликнула няню:

— Тётушка Ду, верните его немедленно!

В знойный полдень полным людям двигаться не хочется, а Ли Мэй и бабушка обе были в теле. Так что вниз отправилась одна няня. Спустившись к подъезду, она услышала крики Сяо Цзинжэня и, подхватив стоявшую в углу тяжелую метлу, бросилась на подмогу.

Цао Цзюня скрутили. Он еще пытался брыкаться, но получил от отца Сяо несколько весомых тумаков. Когда тётушка Ду узнала, что этот мерзавец зарезал собственных бабушку и племянницу, она истошно завопила на весь двор:

— Убийца! Цао Цзюнь людей порешил!

Весь квартал пришел в движение. В те годы соседи еще знали друг друга в лицо и по именам, поэтому на любой шум сбегались моментально.

***

Цао Цзюня связали по рукам и ногам. Кто-то уже звонил в полицию и скорую. Участок был совсем рядом, так что патрульные на велосипедах прибыли спустя пару минут. Следом завывла сирена скорой помощи.

Двойное убийство в семье Цао было раскрыто на месте. Преступник, имевший за плечами срок и тяжелую зависимость, даже не думал отпираться.

Пока толпа обсуждала кровавую драму, Янь Жань отрешенно сидел в кустах. О нем, как обычно, забыли. Несмотря на то, что дома он был центром вселенной, в обществе он оставался тенью. Даже когда другие дети хвастались оценками после экзаменов, Янь Жаня никто ни о чем не спрашивал.

Сяо Цзичун помог ему выбраться из зелени. При падении Янь Жань ударился лбом о кирпичный бордюр: из глубокой раны на лицо обильно текла кровь. Голова кружилась так сильно, что он даже не чувствовал боли и не понимал, что ранен.

Цзичун, напротив, не на шутку испугался. Убедившись, что Цао Цзюнь обезврежен, он выудил из рюкзака салфетки и принялся осторожно промакивать лицо друга, чтобы кровь не залила глаза.

Янь Жань смотрел на него в упор. Сяо Цзичун, с порозовевшим от бега и жары лицом, казался ему воплощением благородства и силы. Он смотрел глубоко и ясно, с непоколебимой уверенностью.

«Я никогда не стану таким», — горько подумал Янь Жань. Цзичун нашел в себе мужество броситься на ножницы ради него, а он сам даже не попытался сопротивляться. Сердце в груди

забились как безумный барабан — в душе смешались безграничное восхищение и удушающее чувство собственного ничтожества. Порой ему казалось, что лучше бы Цао Цзюнь его прикончил.

В такие минуты только одна мысль приносила ему странное успокоение: «Хуже уже не будет».

Заметив его остекленевший взгляд, Цзичун встревоженно спросил:

— Эй, ты как? Голова кружится?

Янь Жань тупо кивнул.

Тут подоспели мать и бабушка. Старуха, увидев кровь, зашла в причитаниях, проклиная и преступника, и всё семейство Цао. Ли Мэй, сохранив относительно хладнокровие, принялась осматривать сына. Убедившись, что рана на лбу и ссадины на руках — это всё, она, раздираемая жалостью и гневом, предсказуемо сорвалась на крик:

— Я тебе дам «сбегать»! Добегался?!

Янь Жань смотрел на нее отрешенно.

— Тётушка Ли, — вмешался Сяо Цзичун, — его нужно срочно в больницу.

Мать готова была сама принять на себя всю его боль, слезы дрожали в ее глазах, но она лишь резко бросила:

— Ничего, не умрет!

Цзичун лишь вздохнул. Видя, что Янь Жань в руках матери, он решил не мешать. Как раз приехала скорая, и он хотел было пойти за врачами к дому Цао, но отец крепко взял его за локоть. Сяо Цзинжэнь нутром чуял: спасти там уже некого. Смотреть на раненых — одно дело, но видеть трупы — дурная примета.

***

Только когда Сяо Цзичун скрылся из виду, Янь Жань нашел в себе силы отстраниться.

— Что такое? — вспылила Ли Мэй. — Мать уже и осмотреть тебя не может? Не смей дергаться! В скорую тебя с такой царапиной не возьмут, сама отвезу. Сейчас только второму дяде позволю, пусть пришлет своих людей. Нужно зафиксировать побои, я из этого Цао Яньсуна всю душу вытрясу!

Она еще не знала, что семья Цао практически уничтожена. В районе все знали, что Цао Цзюнь стал чудовищем из-за отца-дебошира, чей блуд довел жену до самоубийства. Ли Мэй намеревалась использовать все связи брата, заместителя начальника управления полиции, чтобы стереть их в порошок.

Янь Жань задрожал всем телом.

— Мам... — прошептал он, едва шевеля губами. — У меня, кажется, теперь СПИД. Не трогай меня больше.

Ли Мэй застыла на месте, словно пораженная громом.

<http://bllate.org/book/17500/1648561>